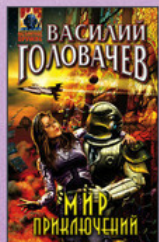

Василий Головачев

Ухо, горло, глаз

Часть сборника
Мир приключений (сборник)

Василий Головачев

Ухо, горло, глаз

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159471
Мир приключений: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-21258-3*

Аннотация

«В поселке Талгой больше всего Северцева поразило наличие самого настоящего салуна, какими их показывали в американских вестернах.

В принципе цивилизация добралась и до этого небольшого – в тридцать дворов – алтайского поселка, если судить по телеантеннам и тарелке спутниковой связи на здании управы, однако российской глубинке больше приличествовало бы наличие бара или на худой конец русского бистро, ставшего модным заведением почти во всех городах страны, но никак не салуна с гордой вывеской „Белый бык“...»

Василий Головачев

Ухо, горло, глаз

В поселке Талгой больше всего Северцева поразило наличие самого настоящего салуна, какими их показывали в американских вестернах.

В принципе цивилизация добралась и до этого небольшого – в тридцать дворов – алтайского поселка, если судить по телеантеннам и тарелке спутниковой связи на здании управы, однако российской глубинке больше приличествовало бы наличие бара или на худой конец русского бистро, ставшего модным заведением почти во всех городах страны, но никак не салуна с гордой вывеской «Белый бык». Естественно, Северцев не преминул завернуть в это заведение, чтобы, во-первых, поужинать по-человечески после двухдневной сухомятки, во-вторых, выяснить историю появления в здешних краях, расположенных всего в сорока километрах от монгольской границы, «американского» салуна.

В Талгой Северцев прибыл из Акташа, а туда – из Горно-Алтайска, прожив в этом небольшом городке около двух недель. А вообще он путешествовал по Алтаю уже третий месяц, безуспешно пытаясь разыскать следы «клада», якобы оставленного здесь Александром Македонским. Точнее, одним из полководцев Александра, завернувшим на Алтай во время Индийского похода.

Легенду о «кладе» Северцев услышал сначала от своего приятеля-археолога, исходившего Алтай вдоль и поперек в поисках древних курганов. Приятель раскопал около двух десятков курганов, нашел множество ценнейших свидетельств существования на земле Алтая древней цивилизации «белых ведунов», потомков гиперборейцев, но «клада» не обнаружил. Однако был уверен, что сокровища, награбленные армией Александра во время военных походов по Ближнему Востоку, существуют, и привел несколько фактов, свидетельствующих, по его мнению, в пользу этого предположения.

Во-первых, в некоторых курганах были найдены древнеперсидские монеты, которые могли попасть в эти края только с армией Александра. Во-вторых, кое-где в курганах были похоронены воины, опять-таки судя по их доспехам и одежде, явно служившие в армии Александра. В-третьих, легенда о «кладе» передавалась из уст в уста на протяжении по крайней мере трех последних столетий, а такие легенды на пустом месте не рождаются.

А поскольку Северцев был «птицей свободного полета» – то есть делал то, чего желала его душа, он вдруг заинтересовался рассказами приятеля и решил заняться поисками «клада Александра» вплотную.

Олегу Северцеву пошел тридцатый год. Он окончил Московский инженерно-физический институт, отработал полгода в Курчатовском ядерном центре и ушел из него после

аварии на одном из подземных исследовательских реакторов, получив приличную дозу радиации. Ему грозили лейкоз, лейкемия и в конце концов тихая смерть от острого лейкоза. Однако к нему в больницу из Ярославской губернии приехал дальний родственник дед Пахом, которому исполнилось более ста лет, осмотрел тающего на глазах парня, ощупал его тело и уехал, не сказав ни слова. А на другой день Северцев почувствовал прилив сил и желание жить.

Тогда он стал бороться, занялся изучением методик оздоровления, в том числе школ Кудряшова и Шерстенникова, и через два месяца встал на ноги. Сам, без помощи врачей, изумленных его успехами не меньше, чем он.

Вскоре после выписки Северцев уехал из Москвы в Питер и три года занимался практикой целостного движения, одновременно изучая и боевые аспекты «вибрационного тренинга» под руководством мастера Николая. В двадцать шесть лет Северцев достиг шестой ступени самореализации и мог уже почти на равных тягаться с мастером, хотя, несмотря на свой рост, не выглядел ни атлетом, ни бойцом-адептом воинских искусств. Впрочем, таковым он себя не считал и знания свои применять в обыденной жизни не собирался.

К двадцати восьми он увлекся экстремальными видами спорта, освоил дельтапланы, прыжки с парашютом с высоких скал и гор, спуск на горных лыжах по «безнадежникам» — горным склонам с затаившимися под снегом валунами, ямами и деревьями, затем бросил это занятие и неожиданно для

всех посвятил себя археологии.

Первая археологическая экспедиция забросила его в Зауралье, где отыскиались, вслед за Аркаимом, и другие следы поселений древних гиперборейцев – общих предков славян, русичей, ариев, индийцев, беланов, аланов, этрусков и десятка других веточек гиперборейского родового дерева.

Вторую экспедицию возглавил приятель Северцева, который, собственно, и соблазнил его романтикой походов и поисков древних цивилизаций. Они прошли по Камчатке, познакомились с бытом камчадалов, полюбовались на вулканы, в том числе действующие, много раз купались в горячих источниках исключительно чистых минеральных вод, нашли следы двух кораблекрушений и стоянки доисторических людей, скорее всего – тоже потомков гиперборейцев.

Однако свободолюбивая натура Северцева не терпела кропотливого и занудного изучения каждого найденного черепка, и он ушел из экспедиции, стал «свободным художником», искателем приключений, благо был независим и не стеснен в средствах: отец Олега работал одним из директоров нефтяной компании «ЭКСМОЙЛ» и ничего для сына не жалел. А матери у Северцева не было, она умерла, когда ему исполнилось девять лет. Воспитывали парня в основном деды и бабушки, как по отцовской линии, так и по материнской.

Поначалу Северцев действовал наобум, используя накопившиеся за время двух предыдущих экспедиций сведения

о поселениях древних народов на территориях, считавшихся потенциальными источниками наследия южных культур, особенно в Приазовье и у границ Казахстана. Ему повезло лишь однажды, когда он в степях Тувы обнаружил остатки крепости древних Моголов, в подвалах которой сохранились кое-какие ценные раритеты: ножи, мечи, хозяйственная утварь.

Затем по совету спасшего его когда-то деда Пахома Северцев начал собирать легенды, мифы и сказания коренных народов о деяниях предков, и удачливых походов стало больше. Так в Сибири, в устье Лены, он обнаружил «второй Аркаим» – кольцевые структуры и валы, сохранившиеся на месте поселений древних потомков гиперборейцев. Возраст находки насчитывал не менее десяти тысяч лет. А на мысе Хорго на берегу моря Лаптевых Олег отыскиал следы крепости, стены которой оказались сложенными из базальтовых блоков весом в полторы тонны каждый. Чем древляне, основавшие крепость, обрабатывали такой крепкий материал, как базальт, и потом перетаскивали блоки от мест выработки к морю за три десятка километров, осталось загадкой.

На Алтай Северцева привела легенда о «кладе» Александра Македонского, трактуемая в разных районах края по-разному. Исходив «самые верные» места, где должен был храниться «клад»: по одной версии – под курганом, по второй – в пещере, – Северцев добрался до Талгоя, нашел местного старожила, дедушку Пуктума, бурята по национально-

сти, подарил ему свой плеер, и дед в благодарность за подарок поведал ему еще один вариант легенды о сокровищах Александра.

По этому варианту выходило, что сокровища спрятаны в ущелье, недалеко от горы Иикту, и что якобы стережет их бог-зверь Ширем Мината, чей лик высечен над входом в пещеру.

– Но тебе туда лучше не ходить, однако, – добавил коричневолицый, морщинистый дед Пуктум, посасывая трубочку, вырезанную из корня вишни. – Плохое место. Ширем Мината иногда вылезает из своей могилы на божий свет, и от его страшного голоса люди и звери умирают.

Северцев с любопытством посмотрел на невозмутимую физиономию старика, хмыкнул:

– Откуда вам это известно, аксакал? Если от голоса этого Ширема умирают звери и люди, как свидетелю удалось выжить?

– Я сам видел, однако, – с достоинством ответил старик. – Охотился с сыном там, где начинается река Талдура. Видел мертвых. Видел Бабу-скалу, охраняющую вход в ущелье. Дальше не ходил, однако.

– Может быть, покажете это место?

Пуктум выпустил клуб дыма, размышляя, глаза его, и без того узкие, превратились в щелочки.

– Старый я стал, однако. Давно не охотился. Вот если сын согласится.

– Он здесь живет, в Талгое?

– Нет, в Барнауле.

Северцев разочарованно махнул рукой:

– Слишком долго ждать, пока он приедет, даже если согласится. Попробую сам. Расскажите хотя бы, как добираться до этого ущелья.

Пуктум пососал трубку, не торопясь отвечать, похожий на тенгри, меднолицего бурятского божка, качнул головой:

– Пропадешь, однако. Подождать надо. Ширем Мината давно не вылезал из нижнего мира. Вылезет – худо будет.

Северцев попытался было уговорить старика пойти с ним, предлагал деньги и вещи, заинтересовавшие Пуктума, но тот согласился лишь показать на карте место, где начиналось ущелье, охраняемое Бабой-скалой. Место это располагалось на северном склоне Южно-Чуйского хребта, в двадцати километрах от Талгоя. Там же находился исток речки Талдуры, берущей начало из-под фирновых полей и вечных снегов хребта.

С этими «достоверными» сведениями Северцев и собрался в путь, будучи абсолютно уверенным, что все легенды основываются на реальных фактах. Надо только отделить зерна от плевел, то есть реальные данные от фантазий и выдумок, и определить координаты местонахождения объекта, давшего обширную пищу для умов и воображения предков, которые создавали легенды.

На второй день после беседы с Пуктумом он еще раз по-

сетил салун. Решил отдохнуть, а заодно и послушать, о чем говорят аборигены, посещавшие заведение. К тому же было любопытно поглядеть на хозяев салуна, отважившихся потратить деньги на создание столь экзотического для местного населения объекта отдыха.

Салун «Белый бык» располагался на площади, единственной для всего Талгоя, от которой отходили три улочки. Одна из них, самая длинная, шла по берегу Талдуры, две другие поднимались на холмы, за которыми начиналась тайга. Дорога, соединявшая поселок с Акташом и другими селами края, начиналась от «набережной» и уходила в горы. По ней Северцеву предстояло пройти километров пять, прежде чем свернуть на юг, к горе Иикту, высота которой достигала почти четырех километров. Белоснежный конус горы был виден с любого холма вокруг Талгоя, однако дойти до него было непросто, не зная троп, и Северцев не обольщался насчет «краткости» маршрута.

Экипирован он был отлично, имел карабин «тайга-2», стреляющий и дробью, и разрывными пулями, нож, эргономичный рюкзак, аптечку, две смены белья, запас концентратов, сушеное мясо и сухари, хотя никогда не страдал от отсутствия пищи. Карабин обеспечивал его и мясом, и птицей, да и мог послужить неплохой защитой от тех, кто позарился бы на его скарб.

В салун, однако, он пошел без оружия, оставив вещи у Пуктума. Июль на Алтае выдался жарким, и, если бы не

слепни днем и не комары ночью, ходить можно было в легкой рубашке и шортах. Однако Северцев от жары не страдал, умея регулировать тепловой обмен тела, и в походах носил удобные штаны свободного кроя из мягкой, но прочной вологодской ткани скинь зеленоватого цвета, рубашку из такой же ткани и десантную безрукавку со множеством кармашков, в которых лежали всякие необходимые в походах мелочи от спичек до набора иголок и обеззараживающих таблеток. А так как Северцев был высок и худ, этот костюм болтался на нем как на пугале, и вид он имел соответствующий: не то интеллигентного бомжа, не то сторожа, не то мелкого клерка, не то водителя катафалка, не то охотника или рыбака. Что помогало ему найти общий язык со всеми слоями населения: всюду он был свой.

В походах он не брился, только подравнивал бородку и усы. И не стригся, отпуская волосы до плеч, а чтобы они не падали на лоб и не мешали, перетягивал их красной повязкой.

Губы у Олега были прямые, решительного рисунка, а глаза светились голубизной горного снега, вполне соответствуя фамилии. Не красавец, но и не урод, как он сам оценивал свою внешность. Хотя женщины, лучше мужчин разбиравшиеся в мужской красоте, видели в нем главное – отвагу, доброту, уверенность и силу. Сам же он относился к женщинам с некоторой опаской, не чураясь встреч с ними, но и не доводя знакомства до опасной черты – женитьбы. Он считал,

что жениться надо только по любви и только обеспечив будущую семью. А так как в настоящее время доходы Северцева составляли ноль целых хрен десятых – жил он, по сути, на дотации отца, считавшего, что сын пока учится жизни, ищет свой путь, – то и встречи с женщинами были у него короткими.

Салун «Белый бык» действительно был салуном со всеми соответствующими его статусу отличиями и особенностями. Разве что его завсегдатаи не походили на ковбоев, хотя среди разношерстной публики, заполнявшей довольно приличное помещение – всего в заведении сидели человек двадцать, – Северцев заметил и двух парней в шляпах.

Оглядевшись, он взял у стойки кружку пива и сел за свободный столик недалеко от низкой входной двери, распахивающейся двумя половинками, как и у настоящего американского салуна. Пиво оказалось холодным и свежим, что порадовало. Северцев с удовольствием отпил полкружки, не чувствуя привычной горечи хмельного напитка. Пиво он вообще-то не любил, но в жару оно все-таки неплохо утоляло жажду.

Дверь открылась, пропуская еще одного посетителя. Это был молодой человек лет двадцати восьми, возможно, даже ровесник Северцева, худой, невысокого роста, вихрастый и скуластый, с реденькой растительностью на лице, в очках. Одет он был почти так же, как и сам Северцев: брюки неопределенного цвета, рубашка и безрукавка, на ногах осо-

бые горные ботинки, что Северцева удивило. Парень явно походил на путешественника или в крайнем случае на альпиниста. Он робко подошел к стойке, взял пиво, завертел головой в поисках места и подошел к столику Северцева.

– Можно присесть с вами?

– Валяй, – радушно кивнул Олег.

Парень подсел к столу, с видимым удовольствием отпил пенящийся напиток и вдруг вздрогнул, согнулся, поставил кружку на стол. Глаза его за стеклами очков сделались беспомощными и растерянными.

Северцев оглянулся.

В салун ввалилась веселая компания гогочущих парней в количестве пяти человек, по-хозяйски согнала со столика у стойки двух пожилых мужчин. Помещение заполнили хохот, ругань, шутки, плоские остроты и крики. Затем вдруг двое из весельчаков заметили сжавшегося соседа Северцева, начали показывать на него пальцами, встали и подошли с кружками пива в руках.

Одеты они были в старые, застиранные джинсы и куртки с кожаными заплатами на локтях, а также носили «настоящие ковбойские» шляпы.

В глазах парня в очках появился тоскливый блеск.

– Эй, сморчок, – обратился к нему первый «ковбой», заросший рыжей щетиной. – Тебе же было велено не ходить сюда. Или забыл?

– У него ранний склероз, – хохотнул второй, с черными

усами а-ля Михаил Боярский.

– Придется подлечить, – хмыкнул рыжий, отбирая у очкастого кружку с пивом и выливая ее ему за шиворот.

– Я вас не трогал, – пискнул парень, закрывая голову руками. – Отстаньте!

– Зато мы тебя потрогаем. – «Ковбой» сцапал парня за шиворот, дернул вверх. – Выметайся отсюда, нюхач, пока цел, и побыстрей!

– Оставьте его! – ровным голосом обронил Северцев, продолжая потягивать пиво.

Рыжий «ковбой» с недоумением посмотрел на него:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.